

ЧУДО И НАУКА.

I.

Отрицание возможности чудесъ представителями современной науки. Основанія этого отрицанія.—Объясненіе происхожденія вѣры въ дѣйствительность чудесъ.—Осторожность современныхъ изслѣдователей при рѣшеніи вопросовъ о возможности тѣхъ или иныхъ повидимому чудесныхъ явленій.

Одни и тѣже люди говорятъ намъ, что вѣкъ чудесъ прошелъ, и что вѣкъ чудесъ лишь наступаетъ. Вѣкъ чудесъ прошелъ. Умершіе не воскресаютъ, больные не исцѣляются, духи добра и зла не являются на помощь человѣку, солнце и луна не останавливаются въ своемъ теченіи, воды морей и рѣкъ не отступаютъ передъ человѣкомъ, пророки умолкли. То, что прежде считали дѣйствительнымъ, теперь признается невозможнымъ. Но съ другой стороны, вѣкъ чудесъ лишь наступаетъ. Правда, теперь нѣтъ пророковъ, предсказывающихъ гибель Тиру или Вавилону или предсказывающихъ рожденіе великихъ людей, но за то теперь явились пророки, съ точностію до 0,01 секунды предсказывающіе затмѣніе солнца или луны на столѣтія впередъ. Теперь явились пророки, съ неумолимою ясностію рисующіе намъ будущую судьбу земли, предскающіе ея гибель. Еще въ началѣ истекающаго столѣтія было сдѣлано это предсказаніе (Лапласомъ), вдохновившее Байрона и побудившее его создать свою „почъ“, наступленіе которой современные ученые отсрочиваютъ на десятки милліоновъ лѣтъ. Слѣпые не прозрѣваютъ болѣе по одному слову чудотворцевъ, но успѣхи хирургіи возвращаютъ зрѣніе при катарактѣ тѣмъ, для которыхъ въ прежнее время міръ счи-

тался безусловно закрытымъ. Больные исцѣляются не словомъ или, если хотите, даже иногда и словомъ (въ гипнотизмѣ), но—главное—электричествомъ и другими средствами, неизвѣстными древнимъ. Люди не переносятся болѣе гениями добра или зла по воздуху, но они могутъ двигаться по желѣзной дорогѣ со скоростью ста верстъ въ часъ и передавать свои мысли въ теченіе минуты на тысячи верстъ по телеграфной проволоцѣ. Дриады, эльфы и нимфы не существуютъ теперь, но за то теперь открытъ міръ микроорганизмовъ, о существованіи котораго не подозрѣвали наши предки. Люди не сходятъ болѣе живыми въ преисподнюю и не приносятъ вѣстей изъ другаго міра, но за то они знаютъ теперь, благодаря телескопу и спектральному анализу, что происходитъ на мірахъ несравненно болѣе отдаленнѣйшихъ, чѣмъ адъ древнихъ. Бури на поверхности солнца, химическій составъ Сиріуса, безжизненная поверхность луны изучены нами теперь, между тѣмъ какъ древніе, мечтавшіе жить выше звѣздъ, въ дѣйствительности никогда не подозрѣвали о возможности узнать тайны безмолвнаго неба. Да, вѣкъ чудесъ только наступаетъ. То, что считали прежде невозможнымъ, теперь оказывается дѣйствительнымъ.

Люди стараго времени—по мнѣнію нашихъ современниковъ—находились въ двойной ошибкѣ. Во 1) они считали возможнымъ невозможное: они думали, что можно нарушать естественное теченіе вещей, что какія то высшія верховныя силы могутъ вмѣшиваться въ жизнь этого міра и, обходя законъ причинности, содѣйствовать благу или производить зло въ природѣ и человѣчествѣ. Во 2) они не признавали возможнымъ такое широкое и глубокое изученіе законовъ природы, которое сдѣлалось дѣйствительнымъ въ наши дни, и не подозрѣвали возможности широкой эксплуатаціи естественныхъ силъ природы. Источникъ той и другой ошибки лежалъ въ ихъ малознаніи. Тѣ времена прошли. Богатый научный опытъ настоящихъ поколѣній сдѣлалъ ихъ свободными отъ этихъ ошибокъ. Современные ученые прежде всего знаютъ, что естественное теченіе явленій не можетъ быть нарушено. Въ мірѣ все подчинено неизбѣжнымъ физическимъ законамъ, многіе изъ которыхъ найдены и точно формулированы современной наукой. Въ

міра нѣтъ никакой силы, которая могла бы по своему произволу вмѣшиваться въ жизнь міра. Это доказывается многими соображеніями. Во 1) путемъ отрицательнымъ. Вліяніе или дѣйствіе такой силы или такихъ силъ никогда и нигдѣ не было обнаружено. Правда, существуетъ много сказаній о чудесахъ, но тамъ, гдѣ эти чудеса можно было провѣрить, и гдѣ ихъ провѣрили безпристрастные и компетентные изслѣдователи, тамъ не оказывалось ничего чудеснаго. Во 2) предположеніе существованія такой силы противно научнымъ стремленіямъ и вноситъ только путаницу въ наши изслѣдованія. Задача науки по отношенію къ изслѣдуемому ею предмету состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить происхожденіе и свойства этого предмета. Предомною алмазь. Я изслѣдую его свойства, нахожу, что онъ кристаллъ, принадлежащій къ правильной системѣ, изслѣдую его лучепреломляемость, удѣльный вѣсъ, твердость, узнаю, что съ химической точки зрѣнія онъ чистый углеродъ. Я ставлю другой вопросъ, какъ произошелъ алмазь, какъ явилась на землѣ эта аллотропическая форма углерода? И вдругъ мнѣ говорятъ, что алмазь былъ непосредственно созданъ алмазомъ, что, слѣдовательно, онъ явился чудеснымъ образомъ. На мое изслѣдованіе о происхожденіи алмаза налагается табу (запрещеніе), и изслѣдованіе должно быть оставлено. Тамъ, гдѣ чудо, нѣтъ мѣста наукѣ. Другой примѣръ. Вопросъ идетъ о лошади. Изучается ея анатомія, физиологія, наконецъ ея жизнь, производится сравненіе ея съ другими животными. Оказывается, что въ настоящее время не существуетъ такихъ животныхъ, которые на столько мало бы отличались отъ лошади, чтобы можно было признать происхожденіе послѣдней отъ первыхъ. Но обращаясь къ палеонтологіи, мы встрѣчаемъ тамъ гиппариона и затѣмъ цѣлый рядъ другихъ животныхъ, которые путемъ незамѣтныхъ переходовъ ведутъ насъ отъ лошади къ многокопытнымъ. Въ нашемъ умѣ естественно возникаетъ мысль объ изслѣдованіи происхожденія лошади, о томъ, не произошла ли она отъ многокопытныхъ предковъ въ теченіе громаднаго числа вѣковъ подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ условій и путемъ суммированія незамѣтныхъ послѣдственныхъ измѣненій? И вдругъ намъ говорятъ, что лошадь была непосредственно создана лошадюю. Ея

происхожденіе есть чудо. А гдѣ чудо, тамъ долженъ умолкнуть нашъ разумъ, и чѣмъ больше чудесъ оказывается въ природѣ, тѣмъ меньше остается намъ предметовъ для изслѣдованія. Такъ, всякое провозглашеніе какого-либо явленія или событія чудомъ полагаетъ границы нашему разуму и его пытливости, между тѣмъ естественное стремленіе разума есть все подвергать изслѣдованію и никогда не заглушать въ себѣ врожденной пытливости. Такъ ученіе о чудѣ, говорятъ, становится въ противорѣчіе съ естественными потребностями нашего духа. Въ 3) вѣра въ чудо необходимо предполагаетъ собою вѣру въ дуализмъ и въ произволь. Чудо предполагаетъ собою вмѣшательство посторонней силы въ обычное теченіе явленій, силы столь же произвольно перемѣщающей предметы и явленія, какъ мы произвольно можемъ переставлять фигуры на шахматной доскѣ. Эта сила должна быть внѣшнею по отношенію къ міру, внѣміровою. Значитъ, внѣ космоса есть еще иное бытіе, т. е. все сущее не представляетъ собою одного цѣлаго, покоющагося на гармоническомъ сочетаніи собственныхъ элементовъ, ибо, —если бы оно было однимъ цѣлымъ, то въ немъ не было бы никакихъ чудесъ: жизнь его текла бы такъ же ровно и законосообразно, какъ проходитъ жизнь и развитіе организма. Съ другой стороны, чудо есть нарушеніе закона необходимости и внесеніе произвола въ жизнь міра. Но произволь есть отрицаніе причины, а нашъ разумъ съ необходимостію приходитъ къ предположенію, что всякое явленіе имѣетъ причину. Такимъ образомъ мысль о произволѣ, а слѣдовательно, и мысль о чудѣ стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ необходимымъ требованіемъ нашего разума. Противорѣчить его требованіямъ, говорятъ, и идея дуализма. Связывая всѣ явленія и предметы существующаго связью причинности, разумъ не можетъ допустить никакого раздѣленія въ существующемъ, онъ, оставаясь послѣдовательнымъ, неизбѣжно приходитъ къ монизму.

Такъ наука вездѣ встрѣчаетъ чудо, какъ тормазъ и препятствіе для своего развитія. Ей приходилось постоянно бороться съ вѣрою въ чудеса и затѣмъ уже устанавливать свои истины, Борьба была, а отчасти, говорятъ, еще и есть, тяжелая и кровавая. Отсюда понятно брезгливое отношеніе современныхъ ученыхъ къ чуду. Они отрицаютъ чудо

рѣшительно и безповоротно и давно уже рѣшили для себя вопросъ о томъ, какъ произошла вѣра въ чудеса и какъ по мѣрѣ распространенія въ массахъ научнаго свѣта эта вѣра исчезнетъ. Первобытные люди, говорятъ они, недостаточно выяснили себѣ идею причинной связи между явлениями и необходимости совершающагося. Отсюда возможность чуда представлялась для нихъ весьма естественною. Далѣе. Въ своей жизни эти люди встрѣчались съ такими явлениями, которыя, имъ казалось, нельзя было объяснить естественнымъ образомъ и за которыми потому они спѣшили признать характеръ сверхъестественный. Можно привести нѣсколько такихъ примѣровъ. Шаманъ или жрецъ властно приказываетъ больному выздороветь, и больной выздоравливаетъ. И явленіе и причина здѣсь на лицо. Слово шамана повинуется неодушевленный предметъ — болѣзнь. Это неестественно, это сверхъестественно, значить, это чудо. Мысль, что подобное явленіе должно быть признано чудомъ, раздѣлили бы даже мыслители и ученые восемнадцатаго вѣка, и Вольтеръ безъ сомнѣнія не нашелъ бы ничего лучше сказать, какъ то, что оно невозможно. Ученые конца девятнадцатаго вѣка, обладающіе болѣшимъ научнымъ запасомъ и потому меньшей самонадѣянностію, отнеслись бы съ осторожностію къ подобному сообщенію и не отвергли бы голословно возможность подобныхъ явленій, ибо наблюдали ихъ въ дѣйствительности. Они сказали бы, что сила въ данномъ случаѣ не въ словѣ шамана, а въ вѣрѣ въ это слово больного, въ вѣрѣ, совершающей въ больномъ подъемъ духа, влекущій за собою какос-то намъ еще неизвѣстное дѣйствіе духа на тѣло (*Suggestion mentale*), слѣдствіемъ котораго является выздоровленіе. Люди прошлыхъ вѣковъ не знали изслѣдованій Шарко и Рибо и потому, признавъ явленіе, признали бы и чудо, не предпринимая никакихъ безнадежныхъ экскурсій для отысканія его причины. Представимъ другой подобный примѣръ. Допустимъ, что какой-нибудь мудрецъ, жившій тысячи за полторы слишкомъ лѣтъ до нашей эры, изобрѣлъ лейденскую банку, — этотъ простой снарядъ, извѣстный теперь всякому школьнику. Представимъ, что мудрецъ далъ бы прикоснуться *къ этой банкѣ дикарю такъ, чтобы разрядъ прошелъ чрезъ него*. Сотрясеніе, имъ почувствованное, дикарь, конечно, не

замедлил бы приписать чудесной силѣ банки и она стала бы для него фетишемъ. Въ природѣ есть много явленій, которыя на первый взглядъ кажутся не только непонятными, но повидимому даже такими, которыя понять невозможно, которыя стоятъ въ противорѣчии съ несомнѣнными законами мышленія и фактовъ. Вотъ такія-то явленія обыкновенно и относились къ области чудесныхъ. По мѣрѣ того, какъ скутывавшій ихъ таинственный покровъ снимался, они переходили изъ области вѣры въ область знанія, и изслѣдованіе ихъ дѣлалось предметомъ курсовъ положительныхъ наукъ. Нельзя сказать, чтобы такія загадочныя явленія вполне исчезли въ наше время, но многовѣковъ опытъ внушаетъ надежду, что и эти явленія будутъ разгаданы, и что въ нихъ нѣтъ ничего чудеснаго. Всякій фактъ, всякое явленіе имѣетъ свою естественную причину,—таковъ девизъ современной науки. Если намъ говорятъ о фактахъ, которые стоятъ въ противорѣчии съ естественными законами, мы должны отрицать ихъ. Когда благочестивый магOMETанинъ, повѣствуя намъ о жизни Магомета, расскажетъ между прочимъ, что луна однажды сошла въ его муфту, мы отвергаемъ эту повѣсть безъ изслѣдованія, ибо сообщаемое намъ невозможно. Но вообще мы не должны снѣшить утверждать невозможность чего-либо, лишь потому что на первый взглядъ оно покажется намъ стоящимъ въ противорѣчии съ естественными законами, мы не настолько знаемъ природу и не настолько овладѣли ея философіей, чтобы всегда рѣшительно утверждать это: точное изслѣдованіе часто можетъ показать намъ, что предполагаемое противорѣчіе есть мнимое. Вотъ почему и ко многимъ религіознымъ сказаніямъ о чудесахъ мы должны относиться съ осторожностію, не снѣша отрицать ихъ безъ изслѣдованія. Педанты и невѣжды говорятъ, что въ настоящее время Гамлетъ не могъ бы повторить своихъ словъ къ Горацио: „есть многое, другъ Горацио, что и не снилось твоей учености“. Люди благоразумные понимаютъ, что слова Гамлета могутъ относиться къ ученымъ нашего вѣка, какъ и къ ученымъ послѣдующихъ вѣковъ; они только прибавляютъ, что, хотя въ природѣ есть многое, чего не вѣдаетъ наша ученость, въ ней нѣтъ ничего такого, что бы не могло подлежать нашему научному изслѣдованію. Поэтому

къ различнымъ религіознымъ сказаніямъ о чудесахъ отъ мощей, иконъ и объ исцѣленіяхъ по молитвѣ людей, разсуждающіе такимъ образомъ, относятся сдержанно, они не отрицаютъ ихъ, они ставятъ надъ ними знакъ вопроса, разсматривая ихъ, какъ объекты, подлежащіе изслѣдованію. За всѣмъ тѣмъ они безусловно отрицаютъ чудо. Въ мірѣ происходитъ все по закону необходимости. Всѣ тѣ явленія, которыя происходятъ сейчасъ въ солнечной системѣ, суть необходимое слѣдствіе явленій, непосредственно имъ предшествовавшихъ. Эти въ свою очередь находятся въ такомъ же отношеніи къ тому, что предшествовало имъ. Двигаясь такимъ образомъ далѣе и далѣе въ глубь прошедшаго, мы приходимъ наконецъ къ тому, что явленія, происходящія нынѣ, суть необходимое слѣдствіе тѣхъ условій, которыя были заложены къ первичной космической туманности, изъ которой и развилась солнечная система. Отсюда слѣдуетъ, что если бы мы обладали совершеннымъ знаніемъ математики и полнымъ знаніемъ тѣхъ данныхъ и ихъ взаимнаго отношенія, которыя были тогда въ хаотической туманности, мы могли бы напередъ за милліоны лѣтъ предсказывать всѣ событія, которыя должны были произойти въ солнечномъ мірѣ. Календари тогда въ своихъ предсказаніяхъ не вращали бы такимъ немилосерднымъ образомъ, какъ они врутъ теперь. Мы знали бы тогда все. Тайственное исчезло бы, новостей бы не было.

II.

Разборъ возраженій противъ возможности и дѣйствительности чудесъ, Неостоятельность разсужденія мыслителей, говорящихъ: люди, не вѣрящіе въ чудеса, никогда не видятъ чудесъ, слѣдовательно, чудесъ не существуетъ.—Неправильность взгляда на вѣру въ чудеса, какъ на пренятствіе свободному изслѣдованію явленій.—Дуализмъ, предполагаемый ученіемъ о чудѣ.

Первымъ основаніемъ для отрицанія возможности чуда является указаніе на то, будто чудесъ не приходится наблюдать въ дѣйствительности, будто сообщенія о чудесахъ или оказываются ложными, или по крайней мѣрѣ оставляютъ мѣсто сомнѣнію. Субъективное значеніе основаній вполнѣ

понятно. Правда, всякій вѣрующій долженъ признать, что чудеса происходят и въ настоящее время, но эти чудеса бывають знаменіями чаще для вѣрующихъ, чѣмъ для невѣрующихъ. Невѣрующіе обыкновенно слышать о нихъ отъ другихъ и всегда находятъ много основаній для того, чтобы относиться къ получаемымъ сообщеніямъ съ осторожностію. Что касается до чудесъ прошедшаго, до тѣхъ чудесъ, о которыхъ говорятъ Вѣхозавѣтная и Новозавѣтная исторія, то для доказательства дѣйствительности этихъ чудесъ приходилось напередъ доказывать подлинность и правдивость повѣствованій о нихъ, а *доказать это не легко*, и во всякомъ случаѣ всѣ согласятся, что эти доказательства такъ длинны и трудны, что большинство лишено возможности ихъ узнать, и что многіе, даже узнавъ ихъ, могутъ найти ихъ не убѣдительными. Все это такъ и за всѣмъ тѣмъ не трудно показать, что приводимое основаніе не представляетъ собою никакого основанія.

Опредѣлимъ пока чудо такъ: чудо есть фактъ, который не можетъ быть представленъ, какъ необходимое слѣдствіе существовавшихъ естественныхъ условій. Мы не претендуемъ на полноту этого опредѣленія, но настаиваемъ на его вѣрности. На самомъ дѣлѣ съ представленіемъ о чудѣ всегда соединяется мысль о явленіи, нарушающемъ обычное теченіе вещей, причѣмъ всегда подразумѣвалось, что это нарушеніе есть не кажущееся только, какъ, наприм., въ техническихъ изобрѣтеніяхъ, но дѣйствительное. Чудо всегда мыслилось, какъ непосредственный актъ Божества. Совершались чудеса по представленію христіанской религіи для двухъ цѣлей: или чудомъ вводилось въ міръ нѣчто новое тогда, когда міръ, развиваясь естественно, становился способнымъ къ воспріятію этого новаго, или чудомъ исправлялось произведенное въ мірѣ свободными тварями зло. По своей внѣшней формѣ чудеса часто являются таковыми, что ихъ можно счесть за явленія, имѣющія естественный характеръ. Это происходитъ, не потому что между чудесами и естественными явленіями нѣтъ рѣзкой границы, такая граница, какъ можно видѣть и изъ нашего опредѣленія чуда, существуетъ, а потому, что самыя естественныя явленія недостаточно изучены нами: явленія гипнотизма, даже нѣкоторыя физическія и химическія явленія

безъ сомнѣнія естественны и однако очень загадочны; вотъ съ такими то явленіями, которыхъ мы не умѣемъ объяснить, мы легко можемъ смѣшать явленія, которыя мы совершенно не можемъ объяснить, и послѣднія отнести къ разряду первыхъ. Какъ указанный характеръ чудесъ побуждаетъ нѣкоторыхъ принимать ихъ за естественныя явленія, такъ указанныя цѣли чудесъ дѣлаютъ то, что многимъ ихъ не приходится наблюдать. Дѣло въ томъ, что въ ряду цѣлей, для которыхъ совершаются чудеса, христіанская религія никогда не поставляетъ той, чтобы убѣдить въ возможности и дѣйствительности чудесъ. Библія показываетъ намъ, что чудеса никогда не были сильнымъ аргументомъ даже и для тѣхъ, которыя вообще вѣрятъ въ ихъ возможность, и размышленіе открываетъ намъ, что такимъ аргументомъ они и не должны быть. На самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что люди признавали бы истинность христіанства, поражаемые лишь силою чудесъ, совершающихся въ христіанской церкви. Что было бы тогда? Въ лоно Церкви поступали бы люди не по свободной волѣ, а по принужденію и затѣмъ они вступали бы въ нее не перерожденными: чудеса поражаютъ умъ и воображеніе, въ религіи же главное значеніе имѣетъ сердце. Мы легко представляемъ, какъ Богъ, открывая Себя въ знаменіяхъ и чудесахъ, могъ бы открыть Себя всему человѣчеству, и у людей не было бы нужды спорить о теизмѣ и пантеизмѣ и составлять и опровергать доказательства бытія Божія. Но мы видимъ, что Богъ, будучи не далеко отъ cadaго изъ насъ, остается незамѣченнымъ многими: Богъ не насилуетъ свободы человѣка, невидимыми путями Промысла Онъ направляетъ его къ добру, но не толкаетъ насильно на путь добра; если человѣкъ не остается безучастенъ къ невидимому божественному водительству и самоопредѣляетъ себя къ добрымъ дѣламъ, то Богъ по мѣрѣ нравственнаго перерожденія и самоусовершенствованія человѣка открываетъ ему Себя и въ его душѣ и во внѣ въ знаменіяхъ и въ явленіяхъ духа и силы. Но если человѣкъ остается глухъ и нѣмъ къ добрымъ призывамъ, то Богъ не откроетъ Себя ни внутри его, ни во внѣ, и во вселенной онъ не будетъ видѣть Бога и Его дѣлъ; міръ будетъ для него лишь громаднымъ безстрастнымъ механизмомъ, производя-

щимъ и разрушающимъ свои созданія безъ цѣли и смысла. Божественныя чудеса будутъ совершаться внѣ поля зрѣнія такого человѣка. Никто изъ астрономовъ не видалъ, чтобы у какихъ-либо звѣздъ—помимо нашего солнца—были спутники подобныя планетамъ нашей системы. Можно ли отсюда дѣлать выводъ, что такихъ спутниковъ нѣтъ. Ни въ какомъ случаѣ, потому что эти спутники, если они и есть, должны (по аналогіи съ солнечной системой) быть такъ малы, что не могутъ быть видны ни въ какой телескопъ. Зрѣніе невѣрующихъ находится въ такомъ же отношеніи къ чудесамъ, въ какомъ объективы телескоповъ къ планетамъ внѣсолнечныхъ міровъ. И зрѣніе невѣрующихъ можетъ улучшиться въ указанномъ отношеніи лишь подъ условіемъ ихъ предварительнаго нравственнаго перерожденія.

Гораздо важнѣе, повидимому, представляется другое возраженіе, что, признавая явленіе чудеснымъ, мы отрицаемъ возможность его изслѣдованія и тѣмъ ограничиваемъ естественныя стремленія нашего разума. Это возраженіе имѣетъ нѣкоторую силу. Въ прошедшемъ можно отмѣтить много случаевъ, когда естественное признавалось за чудесное и потому не подвергалось изслѣдованію. Мысль о чудесности факта здѣсь препятствовала его уразумѣнію. Но въ этихъ случаяхъ не виновата христіанская религія. Христіанская религія учитъ, что вселенная устроена „вѣсомъ, мѣрою и числомъ“, и что она управляется естественными законами. Мы видимъ по ученію христіанской религіи, для какихъ цѣлей совершаются чудеса: эти чудеса оставляютъ ученымъ обширное поле для самостоятельнаго изслѣдованія, но за всеѣмъ тѣмъ и христіанская религія признаетъ кругъ явленной чудесныхъ, т. е. не подлежащихъ изслѣдованію. Какъ примирить это съ притязаніями нашего разума все объяснить и понять? Замѣтимъ во 1) что претензія нашего разума все объяснить и понять даже въ области естественнаго слишкомъ самонадѣянна: вѣчность и безконечность непостижимы для насъ, во 2) что и изслѣдованіе чудесныхъ явленій не запрещается христіанскою религіею, но что такое изслѣдованіе правильно производимое должно привести всегда къ двумъ выводамъ: α) что изслѣдуемое явленіе произошло дѣйствительно и β) что оно не могло произойти естественнымъ образомъ. Если чудеса существуютъ въ дѣй-

ствительности, то не признаніе, а отрицаніе ихъ должно производить путаницу въ нашихъ изслѣдованіяхъ: чудеса являлись бы тогда опроверженіемъ установленныхъ нами общихъ законовъ.

Слѣдующее возраженіе, направляющееся противъ возможности чуда состоитъ въ томъ, что чудо предполагаетъ собою дуализмъ во вселенной, а дуализма допускать не должно. Противъ этого возраженія мы попытаемся доказать, что нашъ разумъ необходимо приходитъ къ признанію дуализма и слѣдовательно необходимо приходитъ къ признанію чуда.

Философія монизма обязываетъ насъ признать нашъ міръ безконечнымъ и самобытнымъ. Не имѣя для своего существованія причинъ внѣ себя, онъ долженъ существовать отъ вѣчности, т. е. быть самобытнымъ и, будучи самобытнымъ онъ долженъ быть безконечнымъ, ибо все конечное не самобытно. Посмотримъ, можно ли приписать этому міру, части котораго мы представляемъ, признаки безконечности и вѣчности? Что такое безконечность? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различно, но правильный анализъ, намъ кажется, съ необходимостію приводитъ къ заключенію, что подъ безконечностію мы должны мыслить нѣчто неопредѣленное и не могущее для насъ стать опредѣленнымъ. Когда намъ говорятъ, что разность двухъ количествъ x и y равна a , и спрашиваютъ, сколько рѣшеній имѣетъ такое уравненіе? мы отвѣчаемъ: безконечное число, разумѣя подъ этимъ, что задача неопредѣленна. Попытка представить безконечность опредѣленно ведетъ насъ къ абсурду. Положимъ, что дана такая задача (задача принадлежитъ Карбонеллю): даны два безконечные ряда чиселъ

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10.....

1. 4. 9. 16. 25. 36. 49. 64. 81. 100.....

Второй рядъ состоитъ изъ квадратовъ чиселъ перваго ряда. Спрашивается при продолженіи до безконечности какой рядъ будетъ больше: первый или второй? Принимая во вниманіе, что при продолженіи до безконечности въ первомъ ряду будутъ заключаться всѣ возможные цѣлыя числа, а во второмъ не будутъ: 2, 3, 5 и множества иныхъ, должно бы сказать, что второй рядъ будетъ меньше перваго, но мы

видимъ, что такое заключеніе было бы нелѣпо. Источникъ этой нелѣпости нужно видѣть въ томъ, что мы въ данномъ случаѣ пытаемся усвоить безконечности значеніе опредѣленнаго числа, сравниваемъ числа помноженныя на безконечность, но такъ какъ на самомъ дѣлѣ безконечность имѣетъ для насъ неопредѣленное значеніе, то понятно, что, помноживъ опредѣленное на неопредѣленное и пытаясь сравнивать полученныя произведенія, мы приходимъ къ нелѣпымъ выводамъ. Представивъ себѣ міръ безконечнымъ, мы не можемъ рѣшить о немъ ни одной задачи. Если въ механикѣ или физикѣ намъ предлагаютъ задачу о безконечномъ количествѣ матеріи, то въ нашемъ отвѣтѣ всегда будетъ 0 или ∞ или $\frac{0}{0}$, и никогда мы не найдемъ рѣшенія опредѣленнаго. Положимъ рѣчь идетъ о проявленіи силы тяготѣнія въ безконечномъ количествѣ матеріи. Представленіе міра безконечнымъ позволяетъ мыслить его, какъ мыслилъ Паскаль, шаромъ, центръ котораго вездѣ, периферія—нигдѣ. Въ такомъ шарѣ или такомъ тѣлѣ не можетъ быть пункта, по направленію къ которому притягивалась бы матерія, слѣдовательно въ такой массѣ не существовало бы тяготѣнія. Представленіе міра безконечнымъ по пространству ведетъ къ тому, что мы должны мыслить, что нѣкоторыя тѣла раздѣлены между собою безконечнымъ разстояніемъ. Въ теоріи мы часто пользуемся такимъ предположеніемъ, но разъ мы перенесемъ дѣло на реальную почву и поставимъ вопросъ: есть ли во вселенной, нами населяемой, такая точка, которая находилась бы отъ насъ на безконечномъ разстояніи? Мы чувствуемъ, что отвѣтъ нашъ можетъ быть лишь отрицательнымъ. Точно также сказать, что міръ существуетъ безконечное время, значитъ допустить, что нѣкогда были событія, которыя отстоятъ отъ насъ на безконечное число лѣтъ. Въ томъ и другомъ предположеніи, т. е. въ предположеніи безконечнаго разстоянія между двумя данными явленіями по пространству или по времени заключается антираціональная мысль, что между двумя неопредѣленными пунктами можетъ существовать опредѣленный промежутокъ. Представленіе міра безконечнымъ побуждаетъ насъ смотрѣть на себя, какъ на части безконечнаго. Какимъ же числомъ выразится наше отношеніе къ цѣлому, часть котораго мы составляемъ? Оно выразится нулемъ

($\frac{1}{\infty} = 0$). Такъ легко видѣть, что вездѣ и всегда, когда мы пытаемся міръ мыслить какъ безконечное, мы приходимъ къ абсурду, и что этотъ абсурдъ совершенно исчезаетъ, и вопросы о вселенной становятся ясными и допускающими опредѣленное рѣшеніе, когда мы признаемъ міръ конечнымъ, какъ бы велика не была его конечная масса.

Представленіе міра существующимъ безконечно по времени вообще не можетъ быть допущено современнымъ естествознаніемъ. И если на словахъ натуралисты постоянно утверждаютъ эту вѣчность, тѣмъ не менѣе не трудно показать, что въ своихъ изслѣдованіяхъ они безсознательно исходятъ изъ ея отрицанія. Можно указать два основанія для этого отрицанія: одно довольно старое, доставляемое механикой и физикой, и другое—новое, предлагаемое термодиміей. Второе изъ нихъ подтверждаетъ первое, и оба они, исходяція изъ различныхъ началъ и приводяція къ одинаковымъ результатамъ, утверждаютъ въ мысли, что въ нихъ не было допущено логическихъ промаховъ.

1) Современная наука пытается разсматривать всѣ явленія въ мірѣ, какъ различные роды движенія. Однимъ изъ такихъ родовъ движенія является теплота. Одно изъ свойствъ ея есть стремленіе къ равномерному распредѣленію. Но жизнь міра обуславливается ея неравномѣрнымъ распространеніемъ. Когда теплота въ мірѣ распредѣлится равномерно, жизнь въ мірѣ исчезнетъ. Молекулярныя движенія всѣхъ тѣлъ будутъ равны, въ мірѣ исчезнетъ разнообразіе. Не смотря на неизмѣнность закона о сохраненіи вещества и энергии, міръ уничтожится, онъ погрузится въ нирвану, погрузится въ бездну безразличія. Представьте собѣ безчисленное количество атомовъ, находящихся на равномъ разстояніи между собою, совершающихъ равные размахи около своихъ центровъ, при чемъ самые размахи происходятъ такимъ образомъ, что въ тотъ моментъ, когда одинъ атомъ подвинулся, положимъ, вправо, и всѣ прочіе атомы вселенной подвинутся въ ту же сторону на такое же разстояніе. Что слѣдуетъ отсюда? Что отношеніе между атомами не будетъ измѣняться, и что хотя въ мірѣ будетъ то же количество движенія, какое онъ получилъ при своемъ созданіи, въ немъ однако нельзя будетъ обнаружить никакого движенія. Механика побуждаетъ мыслить такой ко-

нецъ міра, какъ неизбежный, хотя бы онъ отстоялъ отъ насъ на квадрильоны вѣковъ.

2) Въ вещественномъ мірѣ мы замѣчаемъ преобладающее стремленіе матеріи къ скопленію или сгущенію. Всѣ химическіе элементы природы стремятся къ соединенію и къ образованію болѣе сложныхъ частицъ, и очень можетъ быть, что то, что мы называемъ элементами, на самомъ дѣлѣ есть уже сложная комбинація изъ первоэлементовъ. Современная химія насчитываетъ до 70 элементовъ — веществъ, неразложимыхъ никакими изъ извѣстныхъ намъ средствъ (число элементовъ собственно не установлено съ точностію. Послѣдній элементъ германій былъ открытъ въ 1886 г. Существованіе и свойства его Менделѣевъ задолго предсказалъ въ своей естественной системѣ элементовъ). Изучая свойства этихъ элементовъ, мы находимъ, что они обладаютъ весьма различными степенями энергіи, и что чѣмъ болѣею энергіею обладаетъ элементъ, тѣмъ рѣже онъ встрѣчается въ свободномъ состояніи. Водородъ — этотъ энергичный элементъ совсѣмъ не встрѣчается на землѣ свободнымъ, мы извлекаемъ его лишь изъ соединеній; на солнцѣ находятся громадныя массы водорода, въ космическихъ туманностяхъ онъ составляетъ преобладающій элементъ. Располагая небесныя тѣла въ извѣстномъ порядкѣ по степени ихъ развитія, мы находимъ, что въ туманностяхъ — этихъ міровыхъ эмбрионахъ находятся лишь наиболѣе дѣятельные изъ извѣстныхъ намъ элементовъ, отсутствуютъ элементы малодѣятельные и иногда присутствуетъ какой-то проблематическій — на землѣ не встрѣчающійся элементъ — гелій. Въ туманностяхъ и мірахъ, находящихся на дальнѣйшихъ стадіяхъ развитія, мы замѣчаемъ съ одной стороны уменьшеніе и исчезновеніе элементовъ съ высшими степенями энергіи, съ другой, постепенное появленіе малодѣятельныхъ элементовъ. Это заставляетъ предполагать, что эти малодѣятельные элементы на самомъ дѣлѣ суть соединенія — сложные тѣла, образованныя изъ элементовъ болѣе энергичныхъ. Но эти малодѣятельные элементы стремятся къ дальнѣйшимъ соединеніямъ и къ дальнѣйшей потерѣ своей энергіи. Матерія вообще стремится къ агрегаціи и покою. Это стремленіе есть причина химическихъ соединеній. При образованіи такихъ соединеній происхо-

дить выдѣленіе теплоты или, говоря общѣе и можетъ быть болѣе точно, разсѣяніе энергіи. Термохимическіе законы, установленные преимущественно Бертло, частію и другими, между прочимъ и русскими изслѣдователями, обязываютъ насъ мыслить, что въ будущемъ число элементовъ будетъ уменьшаться все болѣе и болѣе. Кислородъ, желѣзо и пр. на землѣ должны будутъ исчезнуть. Матерія во вселенной будетъ соединяться и спланиваться а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ исчезать жизнь. Разсѣянная энергія, распредѣляясь равномерно по вселенной и, такъ сказать, выходя изъ матеріи, не будетъ противодѣйствовать этому умиранію вселенной. Съ точки зрѣнія термохиміи процессъ міровой жизни состоитъ въ переходѣ матеріи изъ состоянія крайней диссоціаціи въ состояніе связанное, и самая вселенная образовалась въ силу стремленія матеріи къ этому переходу. Теперь возникаетъ вопросъ: почему же матерія, если она существуетъ отъ вѣчности, не достигла своего конечнаго состоянія — полнаго покоя, почему до сихъ поръ она не освободилась отъ навязанной ей энергіи и не разсѣяла ее по необъятнымъ міровымъ пространствамъ? На этотъ вопросъ можетъ быть данъ лишь одинъ отвѣтъ, что наше „если“ ошибочно, что матерія не вѣчна, этотъ міръ былъ не отъ вѣка, но возникъ вмѣстѣ съ временемъ и не успѣлъ еще пройти своего жизненнаго цикла: вѣчность слишкомъ достаточна для того, чтобы достигнуть какихъ угодно результатовъ и какой угодно цѣли.

Всматриваясь въ текучесть міровой жизни, въ неудержимомъ потокѣ которой несемся и мы, мы на основаніи изученія этого бытія должны отказать ему въ признакахъ вѣчности и безконечности. Безконечность нельзя составить изъ аршинъ или метровъ, и вѣчность не слагается изъ годовъ и столѣтій. Что безконечно и вѣчно, то неизмѣнно. Міръ ни въ какую послѣдующую минуту не бываетъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ предыдущую. И мы говоримъ: міръ конеченъ и имѣетъ начало. Старое возраженіе противъ этого, что мы необходимо должны мыслить міръ безконечнымъ и по пространству и по времени, въ настоящее время уже не имѣетъ значенія, потому что едва ли кто представляетъ теперь пространство и время реальностями, чѣмъ то такимъ, въ чемъ вмѣщается непрестанно измѣняющійся міръ, про-

странство и время суть нѣчто субъективное и сами являются свойствами міра, феноменами міровой сущности, а не условіями его бытія. Это доказываютъ явившіяся въ послѣднее время физико-математическія и естественно-научныя соображенія: они заставляютъ утверждать, что пространство и время дѣйствительно не суть реальности, они реальны настолько же, насколько реаленъ фіолетовый или оранжевый цвѣтъ, они представляютъ собою лишь явленія, подъ которыми открываются намъ отношенія между вещами (но они слѣдовательно, и не то, чѣмъ считалъ ихъ Кантъ: не апріорныя формы чувственности). Приведемъ одно изъ основаній такого воззрѣнія. Допустимъ, что между двумя данными точками аршинъ разстоянія, допустимъ далѣе, что аршинъ — эта извѣстная единица разстоянія — уменьшился въ 4 раза, при чемъ и въ природѣ всѣ разстоянія уменьшились въ 4 раза, площади—въ 16 разъ, объемы—въ 64 раза; замѣтимъ ли мы происшедшую перемѣну, замѣтимъ ли измѣненіе собственной величины? Нѣтъ, не замѣтимъ, ибо измѣненіе въ величинѣ можно обнаружить лишь чрезъ измѣненіе отношеній, въ данномъ же случаѣ отношенія между всѣми вещами остались неизмѣнныя. вмѣсто 4, 16 и 64 мы можемъ допустить уменьшеніе вселенной въ A , A^2 и A^3 разъ, и результатъ получится тотъ же: перемѣна во вселенной не будетъ. Увеличивая произвольно A , мы можемъ довести его до безконечности и такимъ образомъ свести всю вселенную въ одну точку. И однако, если бы сейчасъ, вотъ въ это самое мгновеніе вселенная свелась бы до размѣровъ одной точки — подъ условіемъ неизмѣнности отношеній между вещами, никто не замѣтилъ бы происшедшей перемѣны, и всѣ по прежнему толковали бы о неизмѣримости междупланетныхъ пространствъ и о громадномъ разстояніи между неподвижными звѣздами. Отсюда позволительно спросить, не заключается ли и дѣйствительно вселенная въ одной точкѣ или, говоря иначе, не находится ли она внѣ пространства и не есть ли пространство просто явленіе, за которымъ скрывается Ding an sich, явленіе столь же мало объективное, какъ цвѣтъ или звукъ? Отвѣтъ, говорятъ, можетъ быть лишь утвердительнымъ. Тоже самое разсужденіе прилагается и ко времени. Если бы теченіе времени сдѣлалось быстрѣе въ 2, 3 или въ 5 разъ,

никто не замѣтилъ бы этого. Представимъ себѣ, что годъ проходилъ бы съ такою быстротою, какъ секунда, что движеніе небесныхъ и земныхъ тѣлъ, быстрота физиологическихъ процессовъ увеличилась бы въ пропорціональномъ отношеніи, замѣтили бы мы это измѣненіе? Нѣтъ, не замѣтили. И если бы вся многовѣковая исторія вселенной была была бы сведена въ одну точку времени, никто не замѣтилъ бы этой перемѣны. Отсюда слѣдуетъ и для времени тотъ же выводъ, какъ и для пространства, что оно не есть нѣчто объективносуществующее, но что оно представляетъ собою лишь форму, подъ которой мы познаемъ отношенія между предметами.

Признавая міръ конечнымъ, а пространство и время такими же его свойствами, какъ цвѣтъ и запахъ, мы можемъ сказать, что міръ возникъ вмѣстѣ съ пространствомъ и временемъ. Разсматривая міръ, какъ безконечность, пространство, какъ нѣчто дѣйствительно тянущееся во всѣ стороны бытія и время, какъ нѣчто дѣйствительно обуславливающее возможность измѣненій, а не обуславливаемое ими и въ послѣднемъ случаѣ, забывая слова Паскаля: *le temps passe, disons nous, nous nous trompons: le temps reste, mais nous qui passons*, мы достигаемъ только того, что дѣйствительность является для насъ непонятною и противорѣчивою.

Для того, чтобы понимать міръ, мы должны представлять его конечнымъ. Но если онъ конеченъ, то онъ и не самобытенъ. Никакая изъ вещей міра не можетъ быть причиною самой себя, такой причиною для себя не можетъ быть и міръ, ибо онъ не можетъ быть вѣчнымъ. Итакъ, значить, міръ получилъ начало своего бытія отъ какой то внѣшней силы, отъ чего то внѣ міроваго. Эта внѣміровая сила—по противоположности міру и его ограниченности необходимо должна мыслиться нами безконечною и, слѣдовательно, въ своей сущности для насъ непостижимою, она можетъ быть познаваема нами только по своему отношенію къ міру и по своимъ проявленіямъ въ мірѣ. Міръ долженъ быть свободнымъ произведеніемъ этой внѣміровой силы. Это можно указать путемъ отрицательнымъ. Если бы міръ былъ необходимымъ произведеніемъ, необходимой эманацией внѣміроваго бытія, то онъ былъ бы одно съ этимъ бытіемъ,

онъ не могъ бы быть такимъ, какимъ мы его знаемъ: конечность, законченность міра говорить намъ о его тварности. Для того, чтобы понимать міръ, мы должны признать его сотвореннымъ Богомъ, слѣдовательно, для того, чтобы понимать міръ, мы должны признать чудо. Ставя вопросъ о происхожденіи міра, мы приходимъ къ слѣдующей дилеммѣ—или міръ произошелъ чудеснымъ образомъ, или онъ существуетъ отъ вѣчности. Допуская второе, мы перестаемъ понимать міръ; принимая первое, мы приобретаемъ ключъ къ его уразумѣнію. Здѣсь мы видимъ случай, когда признаніе чуда не только не препятствуетъ, но способствуетъ уразумѣнію дѣйствительности.

III.

Вопросъ о свободѣ воли въ связи съ вопросомъ о чудесахъ.—Что такое свободная воля?—Къ чему приводитъ отрицаніе свободы воли?—Разборъ основанийъ для ея отрицанія.—Неправильность утвержденія, что допущеніе свободныхъ дѣйствій есть допущеніе дѣйствій безпричинныхъ.—Недоказанность господства безусловной необходимости даже въ мірѣ неорганическомъ и животномъ.—Бездоказательность статистическихъ данныхъ въ вопросѣ о свободѣ человѣка.—Положительныя доказательства существованія у человѣка свободной воли.—Свобода воли, какъ чудо и какъ начало, обуславливающее нужду въ чудесахъ.

Вѣра въ чудо, говорятъ намъ, требуетъ допустить существованіе произвола или, говорятъ иначе, свободы. Въ понятіи чуда дѣйствительно необходимо заключается мысль о свободномъ актѣ. Но намъ говорятъ, что мысль о свободныхъ актахъ есть недѣльная мысль. Это старое и сильное возраженіе. Мы рассмотримъ его по подробнѣе.

Прежде всего мы постараемся точнѣе опредѣлить, что такое свобода воли въ человѣкѣ. На практикѣ всѣ признаютъ свободу человеческой воли, въ теоріи большинство отрицаетъ ее и даже многіе, толкующіе о свободѣ воли, въ сущности оказываются детерминистами иногда даже не сознавая этого сами (печальные примѣры чего можно указать и въ богословской литературѣ). Мы признаемъ свободу человеческой воли и на практикѣ и въ теоріи и представляемъ ее себѣ такъ. Въ душѣ человѣка постоянно

толпятся тѣ или иныя мысли, чувствованія, желанія. Последнія не представляютъ собою чего либо самостоятельнаго, они суть нѣчто выводное изъ того, что имѣется сейчасъ въ наличности у разума и чувства. За мыслями, чувствованіями и желаніями стоитъ способность рѣшеній, способность санкціонировать то или другое изъ имѣющихся желаній, желанія же могутъ простираться на мысли и на чувствованія. Я могу желать удалить изъ головы своей тѣ или иныя мысли, подавить въ себѣ тѣ или иныя чувствованія. Способность выбирать для выполненія изъ различныхъ толпящихся въ душѣ желаній одни какія либо и подавлять другія и есть присущая человѣку свобода воли, она имѣетъ для себя причину въ человѣческомъ я и ни въ чемъ болѣе. Она для насъ такъ же, непонятна, какъ и твореніе изъ ничего, но она необходима мыслится присущею намъ. Способность эта неподдающаяся нашему объясненію поддается однако описанію. Можно выяснить, въ чемъ она заключается и какова ея сила. Въ моей душѣ толпятся сейчасъ желанія а, b, с, d, e, f, и въ моемъ разумѣ находятся еще мысли g, h, неимѣющія никакого отношенія къ этимъ желаніямъ. Свобода моей воли заключается въ томъ, что я могу въ своей душѣ постановить рѣшеніе осуществить или мысль g или h, съ которыми у меня вовсе не было связано желаніе ихъ исполненія или какое бы то ни было изъ желаній а, b, с, d, f, независимо отъ того, что одни изъ этихъ желаній пріятнѣе, другія разумнѣе, я могу выбрать слабѣйшее и неразумнѣйшее и искать какихъ нибудь основаній для моего рѣшенія значить отрицать свободу воли. Если скажутъ, что выбранное мною для исполненія желаніе f, неизбежно должно было быть выбрано мною, потому что оно сильнѣйшее, или потому что оно разумнѣйшее, то такимъ разсужденіемъ будутъ отрицать мою свободу воли. Опредѣливъ такимъ образомъ, что такое свобода воли, должно отмѣтить далѣе, что эта способность выбора между рѣшеніями безграницна, что она ограничена многими условіями, и что она въ дѣйствительности сводится къ такой незначительной величинѣ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ее можно игнорировать и напередъ предсказывать имѣющія совершиться человѣческія дѣйствія или объяснить уже совершенныя. Во 1) желанія, тѣснящіяся

въ душѣ человѣка, раздѣляются на исполнимыя и неисполнимыя. Неисполнимыя желанія по неволѣ приходится откидывать, хотя должно оговориться, что человѣкъ, сознавъ даже неисполнимость желанія, можетъ постановить своею волею рѣшеніе стремиться удовлетворить его; можетъ быть, кто либо когда либо и поступалъ такимъ образомъ, но въ общемъ люди не поступаютъ такъ. Во 2) самый кругъ желаній человѣка, какъ продуктъ или функція его мыслей и чувствованій, очень ограниченъ, отсюда и способность выбора между рѣшеніями становится весьма ограниченной. Въ 3) какъ фактъ, должно признать слѣдующее: способность выбора между желаніями у различныхъ лицъ различна и даже у одного и того же лица можетъ становиться и сильнѣе и слабѣе. Въ общемъ должно замѣтить, что человѣкъ обыкновенно подчиняется сильнѣйшему изъ желаній, хотя всегда сохраняетъ сознаніе, что онъ могъ бы избрать и иное, при чемъ степень таковой возможности представляется ему неодинаковой: онъ полмѣчаетъ, что извѣстная склонность все больше и больше пріобрѣтаетъ надъ нимъ силы, и что способность противостать ей у него ослабѣваетъ все болѣе и болѣе, вотъ почему сила воли у людей оказывается не одинаковой и ее можно и усиливать и ослаблять воспитаніемъ. Но за всѣмъ тѣмъ свобода воли не можетъ быть отнята у человѣка безусловно, способность выбирать для исполненія какое-угодно изъ находящихся въ душѣ желаній, у человѣка остается всегда, только останавливать свой выборъ не на сильнѣйшемъ желаніи становится для него все труднѣе и труднѣе. Такъ, положимъ, человѣку нравится вино, сначала, однако, для него нетрудно отказываться отъ вина, затѣмъ, когда онъ въ теченіе долгаго времени будетъ удовлетворять своей склонности, воздержаніе становится для него затруднительнымъ и стоитъ большой борьбы; если онъ будетъ продолжать удовлетворять свою склонность и далѣе, то настанетъ время, когда для него отказываться отъ вина будетъ не возможно: алкоголь будетъ необходимъ для его организма. Такъ человѣкъ изъ существа свободаго можетъ становиться все болѣе и болѣе рабомъ, но никогда человѣкъ не можетъ стать „палкою“, „трупомъ“, никогда не можетъ онъ лишиться свободы окончателно: всегда, раздраемый самими

пламенными страстями, человекъ чувствуетъ, что можетъ сопротивляться имъ, хотя бы это причиняло ему и сильную боль и стоило многихъ страданій. Такъ понимаемъ мы свободу воли въ человекѣ, расширяя и ограничивая ее и представляя себѣ у существъ обладающихъ ею ббльшій или меньшій запасъ умственныхъ силъ и чувствованій, мы можемъ составить себѣ понятіе о свободной волѣ существъ стоящихъ и выше и ниже человека. О волѣ существа Безконечнаго, понятно, мы можемъ составить лишь смутныя понятія, исповѣдуя съ несомнѣнностію лишь одно различіе воли Божіей отъ воли существъ конечныхъ, что воля Божія творитъ изъ ничего, воля существъ конечныхъ не творитъ, она не прибавляетъ ничего къ количеству энергіи существующей въ мірѣ, она лишь въ извѣстной мѣрѣ даетъ направленіе событіямъ. Можетъ быть скажутъ, что сообщать теченіе событіямъ значить измѣнять количество энергіи въ мірѣ, но это возраженіе можно опровергнуть, опираясь на данныя той науки, всѣ теоремы которой покоятся на предположеніи неизмѣяемости количества энергіи во вселенной, разумѣемъ механику. Представимъ себѣ такой случай (возможный конечно лишь въ теоріи): чрезъ блокъ перекинута невѣсомая нить, къ концамъ которой привязаны равныя тяжести, допустимъ, что треніе отсутствуетъ, тяжести во всякомъ случаѣ находятся въ равновѣсіи. Спрашивается, какую силу нужно употребить, что бы заставить нашу систему двигаться въ направленіи одной изъ тяжестей? Механика отвѣчаетъ намъ, что величину этой силы должно обозначить черезъ o . Такимъ образомъ здѣсь для того, что бы сообщить направленіе движенію, нужна лишь свободная воля, а не сила. Размышленіе открываетъ намъ, что такихъ случаевъ можетъ быть очень много. Однако существуетъ ли она, эта свобода воли? Детерминисты говорятъ намъ, что нѣтъ, что ученіе о свободѣ воли должно быть отвергнуто *a priori*, какъ антираціональное признаніе безпричинныхъ явленій и *a posteriori*, какъ опровергаемое фактами показывающими, что человѣческія дѣйствія—неизбѣжный результатъ ранѣе данныхъ условий.

Прежде чѣмъ считатьъ съ этимъ взглядомъ, допустимъ на минуту, что онъ правиленъ. Что представляетъ собою тогда окружающая насъ дѣйствительность? Всѣ житейскія

отношенія наши опираются на два предположенія: во 1) на признаніе нѣкоторыхъ законовъ, управляющихъ общественною жизнію, и во 2) на признаніе въ числѣ факторовъ, вліяющихъ на человѣческую жизнь, человѣческой свободы. Безъ послѣдняго не имѣли бы смысла наши колебанія прежде чѣмъ рѣшиться на какой-нибудь проступокъ, угрызенія нашей совѣсти, карающія насъ за наши проступки, карали бы насъ безвинно. Оцѣнка людей потеряла бы тогда всякій смыслъ, и нашъ гнѣвъ на преступниковъ, равно какъ наше восхваленіе добродѣтели не имѣли бы себѣ основанія въ дѣйствительности, ибо въ дѣйствительности не было бы ни виновныхъ, ни правыхъ. До насъ дошелъ одинъ весьма поучительный діалогъ изъ классической древности между людьми, стоящими на той точкѣ зрѣнія, что все совершающееся необходимо. Уличеннаго въ воровствѣ раба Зенонъ билъ палкой. Рабъ сказалъ: „мнѣ судьбою назначено воровать“. Зенонъ отвѣтилъ: а мнѣ судьбою назначено бить тебя за это палкой“. Современные юристы, соединяющіе отрицаніе свободы воли съ признаніемъ отвѣтственности людей за ихъ дѣянія, могли бы поставить эти слова эпиграфомъ въ своихъ курсахъ уголовного права. Чѣмъ же однако являются Зенонъ и рабъ съ ихъ точки зрѣнія? Двумя сознающими автоматами, въ которыхъ природа, двигая ихъ не видимыми нитями, возбуждаетъ желательныя ей мысли и чувства. Все человѣчество представляетъ согласно излагаемой нами теоріи совокупность такихъ автоматовъ. Представьте себѣ оратора, вошедшаго на трибуну. Онъ предлагаетъ новый проектъ, имѣющій по его мнѣнію уничтожить какое-нибудь общественное зло, онъ волнуется и волнуетъ окружающихъ, ему возражаютъ и его защищаютъ. Возбуждаются страсти. Но что на самомъ дѣлѣ представляетъ собою это оживленное собраніе? Коллекцію манекеновъ, въ которыхъ невидимыя силы возбуждаютъ тѣ или иныя мысли, чувства и желанія, и невидимыя пружины заставляютъ ихъ размахивать руками, двигать ногами и болтать языкомъ. Все отличіе ихъ отъ обыкновенныхъ манекеновъ состоитъ въ томъ, что манекены не ощущаютъ того, что происходитъ съ ними, эти же лица ощущаютъ. Представимъ другой примѣръ. Умираетъ глава семьи еще въ цвѣтѣ лѣтъ, любимый семейю и единственная опора

семьи, бывший недавно бодрымъ и здоровымъ. Его жена и его дѣти рыдаютъ надъ нимъ, чувство глубокой скорби о потерѣ любимаго человѣка охватило ихъ. Въ тоже время надъ ними начинается обрисовываться темный и грозный призракъ грядущей нищеты: мать можетъ вести хозяйство на готовые деньги, дѣти еще малы, старшей дѣвочкѣ лишь 15 лѣтъ, вотъ она стоитъ съ поблѣднѣвшимъ личкомъ, съ синей каймой подъ глазами, съ вѣками опухшими отъ слезъ. Всѣхъ присутствующихъ охватываетъ чувство глубокаго состраданія къ бѣдному семейству. Но отрѣшимся отъ буржуазнаго пониманія дѣйствительности: это только манекены. Все это лишь кукольный театръ, и можно только пожалѣть о томъ, что въ эти сложно устроенныя куклы заложена неприятная способность ощущать страданія.

Эти примѣры показываютъ намъ, что отрицаніе свободы воли сообщаетъ такую окраску явленіямъ, которая неизбежно ведетъ къ отрицанію разумности существующаго, и что сверхъ этого отрицаніе свободы воли ведетъ къ признанію, что человѣчество грубо и жестоко обмануто природой и что на нелѣпой фикціи (что мы свободны) утверждается жизнь человѣчества. Но зачѣмъ природа такъ грубо обманула человѣка, зачѣмъ она вложила ему мысль, что онъ свободенъ? Намъ скажутъ, что природа постоянно обманываетъ человѣка, что всѣ тѣ картины, которыя она развертываетъ предъ нами, въ основѣ своей иллюзіи, что ни желтаго ни голубого цвѣта нѣтъ, какъ нѣтъ ни кислыхъ ни сладкихъ веществъ; однако она постоянно предлагаетъ намъ то и другое. Здѣсь, скажемъ, нѣтъ ничего похожего. Природа не обманываетъ насъ, когда не показываетъ намъ существующаго такимъ, какимъ оно существуетъ, она показываетъ намъ его подъ условными знаками, подъ символами, и въ житейской практикѣ намъ вполне достаточно этихъ символовъ, чтобы ориентироваться среди существующаго, а въ наукѣ мы стремимся глубже понять смыслъ этихъ символовъ. Но знакомъ чего можетъ служить вложенное намъ природой сознаніе нашей свободы, знакомъ того, что мы не свободны? „Да“ не можемъ быть символомъ „нѣтъ“, и глупость не можетъ быть символомъ разума. Результаты добытые нами путемъ изученія природы утверждаютъ насъ въ мысли, что природа вовсе насъ не

обманывается, но если мы несвободны, то тогда она злая обманщица.

Разберемъ тѣ основанія, во имя которыхъ на нее возводится это обвиненіе.

То основаніе, что признаніе свободныхъ дѣйствій есть признаніе дѣйствій безпричинныхъ, безъ сомнѣнія, самое сильное и въ сущности единственное. Во имя его отрицали свободу древніе; исходя изъ него же отвергаютъ ее новыя, только они стараются находить основанія для этого еще въ другихъ фактахъ и соображеніяхъ, но они отправляются за этими фактами и соображеніями уже много послѣ того, какъ рѣшили, что человѣкъ не свободенъ. Дѣйствительно признаніе свободы воли содержитъ въ себѣ неизбѣжно признаніе, что человѣкъ въ нѣкоторой мѣрѣ одаренъ творческою силою, а это положеніе содержитъ въ себѣ отрицаніе того, что всякое дѣйствіе есть неизбѣжное слѣдствіе предшествовавшихъ ему условій. Однако не трудно видѣть, что этотъ аргументъ въ устахъ рѣшительнѣйшихъ противниковъ свободы воли значительно утрачиваетъ свою остроту. Наиболѣе рѣшительные детерминисты, какъ извѣстно, эмпирики, но эмпирики въ томъ смыслѣ, какой мы соединяемъ съ словомъ „причина“, видятъ нѣчто метафизическое и опредѣляютъ что причиною какого нибудь явленія называется явленіе неизмѣнно ему предшествовавшее. Они полагаютъ, что самое понятіе причины появилось у насъ, *благодаря нашимъ наблюденіямъ, показывающимъ, что всякое явленіе слѣдуетъ за чѣмъ нибудь и изъ чего нибудь.* Поэтому ихъ ученіе о причинности можно формулировать такимъ образомъ: въ изученномъ нами обширномъ комплексѣ явленій мы видимъ, что каждое изъ нихъ имѣетъ причину, отсюда мы заключаемъ по аналогіи, что и всѣ явленія, совершающіяся въ мірѣ, тоже имѣютъ причину, побужденіемъ сдѣлать такое допущеніе служатъ научныя и практическія требованія. Изъ этого можно видѣть, на какой шаткой индукціи опирается у эмпириковъ теорія причинности, говоримъ шаткой, ибо вѣдь обширный комплексъ изученныхъ явленій есть безконечно малая величина въ сравненіи съ количествомъ явленій неизученныхъ. Причина у нихъ оказывается не твердо установленнымъ положеніемъ, а предположеніемъ, дѣлаемымъ или въ практическихъ или науч-

ныхъ дѣляхъ, но мы уже выше опредѣлили, что выдѣленіе группы свободныхъ явленій въ извѣстныхъ предѣлахъ не препятствуетъ намъ понимать и изслѣдовать факты и событія: пока еще въ исторіи не изучено и не объяснено громадное количество явленій допускающихъ объясненія, такъ что же толковать о томъ, что признаніе нѣкоторыхъ явленій необъяснимыми (не выводимыми изъ предыдущихъ) стѣсняетъ свободу изслѣдованія? Такимъ образомъ ученіе о свободѣ воли не стоитъ поперекъ пути эмпирикамъ и не только не препятствуетъ имъ понимать дѣйствительность и ориентироваться въ житейскихъ отношеніяхъ, напротивъ, облегчаетъ это пониманіе, ибо обратное признаніе себя и другихъ несвободными вносить много путаницы и въ нашу собственную дѣятельность и въ пониманіе дѣятельности другихъ.

Но тотъ же аргументъ, что признаніе нѣкоторыхъ дѣйствій свободными значить признаніе ихъ безпричинными, имѣетъ сильное значеніе въ устахъ тѣхъ, которые разсматриваютъ причину, какъ необходимое требованіе нашего духа, и опредѣляютъ ее, какъ нѣкую силу, производящую явленія или дѣйствія. Разсмотримъ этотъ аргументъ въ новой его постановкѣ. Мы выше установили, что весь существующій міръ, равно какъ и нашъ духъ, имѣетъ Творца. Всѣмировую Причину, слѣдовательно и всѣ способности нашего духа и въ частности признаваемая нами способность производить свободныя дѣйствія не суть явленія безпричинныя, только причина и слѣдствіе въ нашихъ свободныхъ дѣйствіяхъ являются въ новомъ своеобразномъ сочетаніи. Богъ не есть непосредственная причина нашихъ дѣйствій, но онъ есть причина нашей способности производить эти дѣйствія. Вкушеніе Адама отъ древа познанія добра и зла не имѣло для себя причины въ Богѣ, но способность Адама совершить это вкушеніе дарована ему Богомъ. Способность самоопредѣленія есть фактъ, имѣющій для себя причину въ Богѣ, но каждый отдѣльный актъ самоопредѣленія есть фактъ, имѣющій для себя причину въ нашемъ „я“. Не трудно видѣть, что каждый актъ самоопредѣленія есть нѣчто творческое, аналогичное созданію самой способности или созданію нашего духа. Признавая міръ твореніемъ Божиимъ и человѣка свободнымъ твореніемъ Божиимъ, мы ут-

верждаемъ, что Творецъ часть творческой способности передалъ своему созданію. Причемъ способность творческая состоитъ въ человѣкѣ не въ томъ, что бы онъ могъ производить нѣчто изъ ничего-создавать силу, а въ томъ, что онъ можетъ давать направленіе силѣ, можетъ регулировать это направленіе въ нѣкоторыхъ, правда, весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Такое созданіе, понятно, неизмѣримо выше ощущающаго автомата. Адамъ, свободно нарушающій волю Творца, болѣе свидѣтельствуетъ о величіи и благодати Творца, чѣмъ солнце, неизбѣжно, по необходимости согрѣвающее и оживляющее землю.

Установивъ, что мы міръ должны мыслить созданіемъ Божиимъ, мы уже не можемъ отрицать возможности того, что нѣкоторые изъ созданныхъ существъ одарены способностію самоопредѣленія, но отъ возможности еще конечно нельзя заключать къ дѣйствительности и изъ того, что мы можемъ мыслить человѣка существомъ свободнымъ, не слѣдуетъ, что мы непременно должны его мыслить таковымъ. Напротивъ, для насъ по видимому все таки лучше мыслить человѣка несвободнымъ: фактъ свободы человѣческой есть фактъ чудесный, т. е. абсолютно нецелимый для человѣка, признаніе человѣка несвободнымъ дѣлаетъ для насъ доступнымъ пониманіе всего человѣка, раздвигаетъ границы, полагаемая для пытливости нашего разума. Такимъ образомъ преимущество все таки остается за ученіемъ о несвободе воли. Что же должны принять мы? Мы утверждаемъ, что человѣка должно мыслить существомъ свободнымъ; приведемъ теперь основанія для этого утверженія.

Эти основанія открываются прежде всего въ тѣхъ фактахъ, на которые ссылаются детерминисты, утверждая, что свободы не существуетъ, и что все совершающееся совершается съ неизбѣжною необходимостію. На самомъ дѣлѣ справедливость этого закона необходимости доказать очень трудно, мы не можемъ даже доказать, что матерія лишена свободы, еще меньше мы можемъ утверждать тоже о растеніяхъ, по отношенію къ животнымъ индукціи ведутъ насъ къ признанію въ нихъ нѣкотораго элемента свободы и наконецъ, если мы будемъ руководиться индуктивнымъ методомъ, фактъ свободы человѣка представляется намъ имѣющимъ за собою многія основанія.

Начнемъ съ матеріи. Представимъ себѣ матеріальную точку А, на которую дѣйствуютъ двѣ силы Р и Q подѣ некоторымъ угломъ а. Точка А должна прійти въ движеніе, направленіе ея движенія опредѣляется по теоремѣ механики о параллелограммѣ силъ (А должно пойти по некоторой равнодѣйствующей $R = \sqrt{P^2 + Q^2 - 2P \cdot Q \cdot \cos a}$). Эта теорема основная въ механикѣ. Но любопытно, что для нея, не существуетъ ни строго математическаго, ни эмпирическаго доказательства. Теоретическія доказательства ея не имѣютъ силы принудительности, наблюденіе, — разумѣется, самое тщательное — всегда намъ покажетъ уклоненіе движущагося тѣла отъ теоретически вычисленнаго его пути. Конечно, мы признаемъ, что эта безконечно малая неточность происходитъ отъ некоторыхъ иныхъ дѣйствующихъ въ опытѣ условий, непредусмотренныхъ теоріей, но такъ вѣдь мы рассуждаемъ потому, что намъ присуща идея причинности, а фактъ, изслѣдуемый нами, представляетъ лишь то, что матерія оказывается не безусловно повинующеюся дѣйствующимъ на нее силамъ, а отчасти самоопредѣляющею себя къ дѣйствіямъ. Далѣе въ механикѣ мы встрѣчаемся съ другимъ любопытнымъ явленіемъ. Вычисленіе иногда приводитъ насъ къ такому результату, что движеніе какогонибудь тѣла В можетъ быть опредѣлено только до какойнибудь точки m, а далѣе тѣло В можетъ задвигаться или по направленію v, или по t или g и т. д., по какому же оно задвигается на самомъ дѣлѣ, опредѣлить невозможно. Въ дѣйствительности оно, конечно, всегда пойдетъ по какомунибудь изъ указанныхъ путей, но что заставляетъ его выбрать именно этотъ путь? Какаянибудь сила? Но дѣло въ томъ, что движеніе тѣла поэтому пути не обусловлено дѣйствіемъ никакой силы: нужную для движенія силу оно получило уже давно. Мы, конечно, и въ этомъ случаѣ скажемъ, что есть причина, производящая это явленіе, но ни математическій анализъ, ни опытъ не открываетъ ее намъ. Если бы мы были строгими эмпириками, мы должны были бы признать въ матеріи некоторую долю свободы, но мы не сдѣлаемъ этого, мы привели эти факты лишь для того, что бы показать, что и въ точныхъ наукахъ не все такъ благополучно, какъ это кажется некоторымъ ихъ легкомысленнымъ почитателямъ, и что положеніе, которое они хотятъ

распространить на всѣ явленія вселенной (все совершающееся необходимо) не доказано даже въ той области, гдѣ оно, дѣйствительно всѣми признается истиной.

Перейдемъ къ организмамъ. Здѣсь уже въ царствѣ растений необходимость совершающагося не только представляется спорною, но повидимому даже опровергается фактами. Дѣло въ томъ, что если мы два по видимому совершенно одинаковыя растенія подвергнемъ дѣйствию одинаковыхъ условій, то результаты получатся нѣсколько различныя между собой. Чѣмъ объяснить это различіе? Представимъ себѣ что растеніе подвергнуто дѣйствию свѣта, оно наклоняется въ сторону свѣта; если мы подвергнемъ его дѣйствию двухъ источниковъ свѣта, то растеніе должно пойти по равнодѣйствующей; но, понятно, съ строгою точностію опредѣлить его направленіе нельзя. Если мы поставимъ другое такое же растеніе въ такія же условія, равнодѣйствующая опять окажется нѣсколько иною. Нѣкоторые натуралисты склонны приписывать растеніямъ способность ощущеній, способность видѣть сны, способность произвольныхъ движеній и т. д. Не соглашаясь съ этими натуралистами, мы однако не можемъ опровергнуть ихъ на почвѣ фактовъ: такъ какъ условія вызывающія нѣкоторыя движенія растений, намъ неизвѣстны, то понятно мы и не можемъ доказать, что эти движенія суть необходимое слѣдствіе вызывающихъ ихъ условій. Переходя въ царство животныхъ, мы встрѣчаемъ здѣсь безконечное количество фактовъ, выводить которые изъ какихъ бы то ни было причинъ мы не имѣемъ возможности. Даже жизнь protozoa и zoophyta не можетъ быть выведена изъ механическихъ условій, дѣйствія же высшихъ животныхъ часто заставляютъ предполагать размышленіе и свободный выборъ. Упрямая лошадь выбирающая удобное мгновеніе, чтобы сбросить съ себя всадника, собака внимательно слѣдящая за своимъ господиномъ и иногда даже управляющая его вниманіемъ, наконецъ, обезьяны съ ихъ остроумными и хитрыми продѣлками, все это не можетъ быть выведено ни изъ какихъ извѣстныхъ условій и представлено, какъ нѣчто необходимо долженствующее быть.

Всѣ приведенные факты показываютъ намъ, что безусловное господство необходимости во вселенной не дока-

зано, оно есть только предположеніе, правда, совершенно необходимое для изученія большей части природы, однако не всей, ибо для уразумѣнія нѣкоторыхъ явленій оно не можетъ принести никакой пользы. Зритель подошелъ къ клѣткѣ обезьяны въ зоологическомъ саду, онъ держитъ свою шляпу въ рукѣ около клѣтки, у обезьяны является желаніе отнять шляпу у смотрящаго на нее зрителя, но она знаетъ, что если прямо потянетъ шляпу изъ его рукъ, онъ ее не выпуститъ, тогда обезьяна начинаетъ слѣдить за зрителемъ, и когда вниманіе его будетъ сосредоточено на чемъ нибудь иномъ, а шляпа будетъ предана забвенію, она ловко и быстро выхватываетъ у него изъ рукъ шляпу и овладѣваетъ ею. Положимъ, что мы наблюдали это явленіе съ предположеніемъ, что все совершающееся необходимо, какъ мы объяснимъ его? Полагаю, что не только мы, но и наши потомки никогда не сѣмѣютъ показать, что всѣ дѣйствія обезьяны суть необходимое слѣдствіе причинъ а, в, с, д, е, и т. д. Такимъ образомъ, предположеніе, что совершенныя ею манипуляціи суть необходимое слѣдствіе такихъ-то и такихъ-то условій, никогда не станетъ доказаннымъ положеніемъ, и того, кто сталъ бы утверждать, что всѣ созданія природы обладаютъ нѣкоторой долей свободы, и что эта свобода становится все выше и выше по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по біологической лѣстницѣ, того мы никогда не сѣмѣемъ опровергнуть, мы, напротивъ, должны будемъ признать, что его теорія стоитъ въ строгомъ соответствіи съ фактами, и только имѣемъ право добавить, что эти факты могутъ предполагать иное объясненіе.

Теперь обратимся къ человѣку. Его абсолютную зависимость отъ природы пытаются доказать статистическими данными. Если въ извѣстномъ округѣ въ нынѣшнемъ году совершенно столько же убійствъ, сколько и въ прошедшемъ, то не доказываетъ ли это, говорятъ, что эти убійства были слѣдствіемъ какихъ то причинъ равно дѣйствующихъ, какъ годъ назадъ, такъ и нынѣ? Если бы эти убійства были свободными дѣяніями, тогда совпаденіе оказалось бы невозможнымъ или, если бы оно и оказалось возможнымъ, то разъ, два и никакъ не постоянно, что происходитъ въ дѣйствительности. При оцѣнкѣ этого довода должно обратить вниманіе на два обстоятельства: ограниченность человѣче-

ской свободы и ограниченную точность статистическихъ свѣдѣній. О первой мы уже говорили. Понятно, что тѣ границы, которыя мы намѣтили свободѣ воли, дѣлаютъ возможнымъ для министра финансовъ довольно точно опредѣлять доходы и расходы впредь за годъ, предвидѣть успѣхъ или не успѣхъ предполагаемыхъ конверсій и займовъ, точно также для министерства юстиціи возможно опредѣлить напередъ потребное въ извѣстномъ мѣстѣ число лицъ судейскаго персонала и для министерства внутреннихъ дѣлъ знать, сколько нужно въ извѣстныхъ мѣстахъ полиціи. Это предвѣдѣніе вполнѣ совмѣстимо съ признаніемъ свободы воли, а то обстоятельство, что предполагаемое никогда точно не совпадаетъ съ дѣйствительнымъ, уже представляетъ собою основаніе въ пользу свободы воли, противъ каковаго основанія детерминисты выставляютъ только предположеніе, что это не сходство есть слѣдствіе того, что не всѣ причины и условія были взяты въ расчетъ при составленіи предположеній.

За всѣмъ тѣмъ, еслибы статистическія данныя показывали намъ, что при неизмѣняемости условій результаты остаются тождественными, мы имѣли бы сильное возраженіе противъ ученія о свободѣ воли, но въ дѣйствительности статистическія таблицы не могутъ показывать и не показываютъ этого. Нѣмецкая пословица говорить: цифры управляютъ міромъ, но, можно добавить, что часто секретари управляютъ цифрами, и въ этомъ послѣднемъ обстояствѣ иногда скрывается причина постоянного тождества въ цифровыхъ показаніяхъ о количествѣ тѣхъ или иныхъ явленій. Отчеты обыкновенно составляются по примѣру прошлыхъ лѣтъ, и отъ этого зависитъ, что между ними оказывается сходства больше, чѣмъ бы слѣдовало. На самомъ дѣлѣ иногда являющееся единообразіе цифръ съ точки зрѣнія самого детерминизма представляется фактомъ трудно объяснимымъ и даже прямо загадочнымъ. Положимъ, въ извѣстномъ городѣ въ 1885 г. совершено 5 убійствъ и въ 86, 87, 88, 89 и 90 годахъ ихъ совершено по столько же. Неужели детерминисты скажутъ, что тождество условій въ данномъ случаѣ даетъ тождество результатовъ? Нетрудно видѣть, что число убійствъ можетъ мѣняться отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, и что утверждать, что причинъ

измѣненіи не было, никакъ невозможно. Самый фактъ убійства 5 въ 1885 г. долженъ былъ отозваться какимъ нибудь образомъ на настроеніи общества, положеніе семействъ убійць и убитыхъ послѣ преступленія должно было измѣниться значительнымъ образомъ, взаимныя отношенія между собою лицъ въ городѣ тоже не могли остаться неизмѣнными. Прибавьте къ этому множество другихъ несомнѣнныхъ измѣненій происшедшихъ въ городѣ: одни лица умерли, другіе явились изъ иныхъ мѣстъ, измѣнились какіе нибудь порядки и т. д.. Послѣ этого, понятно, что одинаковое число убійствъ въ данномъ случаѣ должно явиться одинаково загадочнымъ, какъ для детерминиста, такъ и для сторонника теоріи свободной воли.

Къ числу такихъ же сомнительныхъ опоръ для детерминизма принадлежитъ фактъ и единообразіе цифръ, обозначающихъ число попадающихъ на почты писемъ съ ненадписаннымъ адресомъ. Я дописываю письмо, меня, положимъ, кто нибудь дожидается, чтобы идти вмѣстѣ со мною изъ дома и торопить меня. Я поспѣшно вкладываю дописанное письмо въ штемпельный конвертъ, запечатываю его, говорю: я готовъ, одѣваюсь, выхожу вмѣстѣ съ ожидавшимъ меня лицомъ и бросаю письмо въ почтовый ящикъ. Такимъ образомъ адресъ остается не надписаннымъ. Или: я пишу 5 или 6 писемъ, затѣмъ надписываю адреса на конвертахъ, при этомъ, конечно, легко могу пропустить одинъ конвертъ ненадписаннымъ и затѣмъ всѣ письма сдать слугѣ опустить въ почтовый ящикъ. Легко видѣть, что самый ничтожный случай можетъ спасти меня отъ сдѣланной оплошности: вопросъ товарища, къ кому я пишу письмо? любопытство слуги, заинтересовавшагося адресами и т. д. Поэтому неизмѣняемость чисель, показывающихъ по свѣдѣніямъ какихъ-либо почтамтовъ, сколько писемъ въ теченіе года доставлено въ почтамты безъ адреса, представляется явленіемъ удивительнымъ, но не убѣдительнымъ.

Нѣкоторые лица при составленіи статистическихъ отчетовъ спрашиваютъ: что нужно доказать цифрами? и подобно съ тѣмъ, что нужно, берутся расположить и представить цифры, повидимому не искажая правды. Предвзятая мысль можетъ оказать замѣтное вліяніе на статистику. Положимъ, инспекторъ какого либо заведенія составляетъ от-

четь о поведеніи своихъ питомцевъ; онъ уже заранѣе знаетъ, что неудобно это поведеніе представить въ менѣе выгодномъ свѣтъ, чѣмъ въ какомъ оно показано за прошлый годъ, что лучше для него показать, что въ управляемомъ имъ заведеніи происходитъ нравственный прогрессъ, и очень просто путемъ прибавленія плюсовъ и половинъ, прибавленія совершаемаго можно сказать безъ насилія совѣсти, онъ можетъ получить желаемый результатъ. Иногда желаемую цифру въ отчетѣ можно получить самымъ примитивнымъ приѣмомъ. Приведу примѣръ изъ области явленій не свободныхъ. Для завѣдыванія какою нибудь больницею назначается новый докторъ. Просматривая отчеты своего предшественника, онъ видитъ, что у него умирало въ годъ въ больницѣ 11—12 человекъ. Желая показать, что онъ будетъ лучше этого предшественника, онъ поступаетъ такимъ образомъ: подъ благовидными предлогами не принимаетъ въ больницу неизлечимыхъ больныхъ, старается удалять изъ больницы чахоточныхъ, страдающихъ ракомъ и т. д., вообще не впускаетъ въ больницу умирающихъ и всячески содѣйствуетъ удаленію таковыхъ изъ больницы. Результатъ получается блестящій. Отчетъ слѣдующаго года гласитъ, что въ больницѣ умерло лишь двое. Чегожь еще больше желать? Въ области явленій нравственныхъ статистика называется дѣломъ еще болѣе эластичнымъ. Число кражъ и иныхъ преступленій никогда не служитъ вѣрнымъ показателемъ намѣреній совершить подобныя дѣйствія.

Данныя статистики вообще не представили доселѣ доказательствъ эквивалентности между человѣческими дѣйствіями и ихъ предполагаемыми причинами. Во 1) эти причины не выяснены, 2) цифры, обозначающія человѣческія дѣйствія, неточны: многія дѣйствія вовсе не по винѣ статистиковъ (вовсе) не попадаютъ въ отчетъ, въ 3) многіе отчеты, не смотря на объективный характеръ цифръ, субъективны; въ 4) многіе статистическіе отчеты показываютъ, что полного единообразія въ человѣческихъ дѣйствіяхъ не существуетъ: числу проступковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, въ учрежденіяхъ служебныхъ, число незаконнорожденныхъ въ извѣстныхъ округахъ, число кражъ и т. д. оказывается измѣняющимися. Статистики указываютъ намъ, что открыты нѣкоторые законы, управляющіе чловѣческими дѣйствіями,

такъ: повышеніе цѣнъ на хлѣбъ ведетъ уменьшеніе браковъ, пониженіе цѣнъ на вино увеличиваетъ число пьяницъ. Эти законы нисколько не противорѣчатъ ученію о свободѣ воли, ибо они содержатъ въ себѣ слишкомъ старыя истины подобныя тѣмъ, что, если я встрѣчу на пути не проходимую рѣку, я долженъ буду остановиться, не смотря на все желаніе продолжать путь, или если многіе будутъ подвергнуты какому нибудь искушенію, то несомнѣнно нѣкоторыя падутъ. Мы утверждаемъ, что даже и намѣренія человѣка не вполнѣ свободны, а свобода входитъ въ нихъ лишь какъ элементъ, всякое же дѣйствіе является результатомъ не одного намѣренія дѣлателя, но и многихъ другихъ условій. Предлагаемое нами ученіе о свободѣ воли было бы опровергнуто лишь тогда, когда было бы показано, что изъ извѣстныхъ условій всегда слѣдуютъ такія то дѣйствія, но это не показано. И если бы даже детерминисты были правы, то и тогда едвали когда это могло быть доказано, ибо это доказательство должно опираться на такое широкое знаніе всей видимой природы и природы человѣка, каковое едвали когда будетъ доступнымъ для человѣка.

Такимъ образомъ ученіе о свободѣ воли не опровергнуто. Но этого мало, существуютъ еще основанія, побуждающія насъ мыслить человѣка свободнымъ. Такъ, явленія нравственнаго порядка, когда причина и явленіе на лицо, всегда оказываются не эквивалентными причинѣ. Проповѣдь проповѣдника и произведенное ею дѣйствіе, оскорбленіе и месть, услуга и благодарность, несчастіе однихъ и сочувствіе другихъ не суть величины взаимно замѣнимыя. Детерминисты говорятъ, что здѣсь есть еще много иныхъ условій, препятствующихъ имъ быть эквивалентными, но такъ какъ эти условія намъ никѣмъ не показаны, то мы должны признать, что все-таки сами по себѣ наблюдаемые факты стоятъ скорѣе за свободу, чѣмъ противъ нея. Далѣе трудно объяснить происхожденіе понятія свободы, если бы свободы не существовало во вселенной. Представить себѣ, что органическій міръ былъ бы устроенъ такъ, что для организмовъ не требовалось бы сна, сна бы не существовало, мы бы тогда и не подозрѣвали о снѣ. Точно также повидимому при несуществованіи свободы мысль о пей не должна бы была прійти намъ въ голову. Еще болѣе стран-

нымъ, при предположеніи, что она не существуетъ, является голосъ нашего сознанія, неумолчно возвѣщающій намъ, что мы свободны. Повидимому мы должны бы были быть лишь сознающими и ощущающими автоматами, пассивно воспринимающими дѣйствія со стороны и своимъ мозгомъ и своими руками, производящими дѣйствія такъ же, какъ производитъ желудокъ пищевареніе. Наконецъ, съ точки зрѣнія детерминизма совершенно нелѣпымъ является раздѣленіе явленій на нормальныя и не нормальныя, нравственныя и безнравственныя. Не нормальнаго и безнравственнаго не должно бы было быть, о немъ нечего было бы говорить, если бы въ мірѣ царилъ только необходимость. Страданія, болѣзни, скорби являлись бы тогда необходимыми нормальными элементами существующаго. Весь путь жизни человѣка отъ перваго болѣзненнаго крика при рожденіи до мучительной предсмертной агоніи въ старости, весь этотъ путь, исполненный горя и скорбей, должно бы было признать нормальнымъ. Человѣчество должно бы было провозгласить тогда культъ совершившихся фактовъ и дѣйствія и намѣренія человѣческаго объяснять и оцѣнивать такъ же, какъ физическія явленія. Мы не говоримъ о нравственной или безнравственной радугѣ, о добродѣтельныхъ минералахъ и т. д., тотъ, кто не признаетъ человѣка свободнымъ, долженъ бы былъ тоже изгнать изъ своего лексикона эти термины, при чемъ вопросъ о томъ, откуда же у человѣка явились понятія, ими обозначаемыя, остался бы для него абсолютно не разрѣшимымъ. Но что бы ни говорилъ человѣкъ, какъ бы рѣшительно онъ ни утверждалъ, что онъ не свободенъ, что ученіе о свободѣ воли есть вопіющая изъ нелѣпостей, его совѣсть и его сознаніе всегда будутъ свидѣтельствовать противъ него, самъ онъ въ своей жизни будетъ постоянно признавать и мыслить человѣка свободнымъ. Мы уже потому должны мыслить человѣка свободнымъ, что не можемъ мыслить его иначе.

Такъ мы пришли къ признанію свободы воли. Но признаніе свободы воли есть признаніе чуда, такимъ образомъ, мы видимъ, что наше мышленіе не только мирится съ мыслию о чудѣ, но даже постоянно предполагаетъ чудо. Мало этого. Свобода человѣческой воли представляетъ собою такого рода чудо, которое обуславливаетъ собою и заставляетъ

насъ сознать нужду во многихъ чудесахъ. Свобода чловѣка состоитъ въ способности самоопредѣленія, ограниченность чловѣческаго пониманія дѣлаетъ то, что чловѣкъ часто опредѣляетъ себя къ дурному, а не къ хорошему. Чловѣкъ не обладаетъ способностію создавать силы, но онъ можетъ направлять ихъ и вправо и влѣво и разъ сообщивши толчекъ въ послѣднемъ роковомъ направленіи, онъ затѣмъ оказывается не въ состояніи измѣнить это направленіе. Опытъ показываетъ намъ, что обыкновенно преступленіе во 1) ведетъ лицо, совершившее преступленіе, къ дальнѣйшимъ и часто еще сильнѣйшимъ злодѣяніямъ, 2) зло, совершаемое однимъ лицомъ разростается, является причиною многихъ злодѣяній. Чловѣчество давно подмѣтило это, и въ поэтическихъ произведеніяхъ съ самаго древняго времени мы находимъ раскрытіе обѣихъ этихъ мыслей. Не приглашеніе Эриды на свадьбу Пелея влечетъ за собой споры богинь, похищеніе Елены, троянскую войну. Убіеніе Макбетомъ Дункана влечетъ за собой со стороны перваго новый рядъ ужаснѣйшихъ злодѣяній и побуждаетъ его всю Шотландію наполнять кровью. Не столь грандіозныя, но совершенно аналогичныя явленія, конечно, приходилось наблюдать каждому въ окружающей дѣйствительности. Зло причиненное однимъ другому, возбуждаетъ въ другомъ жажду мести. Начинается вражда, и затѣмъ борьба. Если борющіеся люди сильные, то они находятъ себѣ сторонниковъ, и борьба завязывается уже не между двумя, а между многими. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ слѣдуетъ тотъ выводъ, что чловѣкъ не въ силахъ поправить зло, сдѣланное имъ, не можетъ справиться съ нимъ и чловѣчество: законы наследственности и инерціи непреодолимы. Слѣдовательно, чтобы пресѣкать зло или направлять его къ добрымъ послѣдствіямъ, требуется Божественное вмѣшательство, является нужда въ чудѣ. О такихъ чудесахъ и сообщаетъ намъ исторія ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви, утверждающая въ мысли, что спасеніе дается лишь посредствомъ чуда.

Заключеніе.

Оглянемся теперь на все, что мы сказали доселѣ. Ученіе о чудѣ отвергаютъ какъ неразумное и какъ пренят-

ствующее разумному пониманію дѣйствительности. Мы старались показать, что для того, что бы дѣйствительность представлялась намъ разумной, иногда не остается ничего иного, какъ обратиться къ предположенію чуда. Люди, отвергающіе чудо, должны представлять міръ вѣчнымъ, безконечнымъ, самосохраняющимся. Такое міропониманіе не можетъ быть выражено въ понятныхъ и логичныхъ формулахъ; изъ такого міропониманія, затѣмъ, нельзя сдѣлать никакихъ руководительныхъ выводовъ для практической дѣятельности человѣка. Какой же смыслъ въ этомъ міропониманіи и какая изъ него польза? Признаніе чуда, которое допустили мы, напротивъ, дѣлаетъ для насъ этотъ міръ понятнымъ и освѣщаетъ разумнымъ свѣтомъ наше положеніе въ немъ. Намъ возражаютъ, что наше міропониманіе во 1) отрицаетъ единство и цѣлостность существующаго, во 2) утверждаетъ вѣру въ нѣчто непонятное и тѣмъ заграждаетъ путь стремящемуся все понять разуму. На это скажемъ мы: дуализмъ, признаваемый нами, не содержитъ въ себѣ никакого протеста противъ требованій логики, но едвали въ согласіи съ требованіями науки о мышленіи находится монизмъ, сливающий безконечное и конечное въ одно нераздѣльное цѣлое. Безконечность и вѣчность не постижимы для насъ, и тѣмъ не менѣе мы должны приписать ихъ или міру, или Творцу міра. Но допустивши первое, мы сами окажемся въ антираціональномъ сліяніи съ Безконечнымъ; при второмъ же предположеніи, если и останется для насъ нѣчто непостижимое, то за то по крайней мѣрѣ мы не принимаемъ ничего не разумнаго.

Признавая чудо, мы, дѣйствительно признаемъ нѣчто неудобопонятное, нѣчто такое, анализъ и изслѣдованіе чего для насъ не возможны. Чудо вѣдь не есть то, чѣмъ считаютъ его, наприм., въ Англии Гладстонъ или въ Германіи Цѣльнеръ. Они, исходя изъ различныхъ началъ и являясь людьми совершенно различнаго образованія, устанавливаютъ, что чудеса суть явленія, которыя мы не понимаемъ нынѣ и которыя поймемъ завтра или вообще впоследствии. Трансцендентальная физика, наука о гипнотизмѣ и животномъ магнетизмѣ, по ихъ мнѣнію, объяснить намъ многое въ этомъ отношеніи. Не оспаривая въ общемъ ихъ радужныхъ надеждъ на эти науки, мы однако утверждаемъ, что

въ вопросѣ о чудѣ онѣ не дадутъ ничего новаго. Нашъ разумъ ограниченъ и его ограниченность состоитъ не въ томъ только, что его знанія не широки (онъ многого не знаетъ), но и въ томъ, что они не глубоки (ничто не можетъ быть имъ понято вполне и многое имъ совсѣмъ не можетъ быть понято). Связь солнечныхъ пятенъ съ земнымъ магнетизмомъ, движеніе кометы Энке, даже простое явленіе града доселѣ не объяснены, слѣдовательно, не узнаны; но мы можемъ узнать причины этихъ явленій, и надѣемся, что узнаемъ ихъ. Мы не узнали ихъ доселѣ лишь по тому, что наши знанія расширяются постепенно. Но есть другой кругъ фактовъ, который никогда не сдѣлается достояніемъ нашего познанія: безконечность не постижима для насъ, сущность вещей также точно. Если мы представимъ себѣ нашъ разумъ въ видѣ механизма, захватывающаго, сортирующаго и связывающаго явленія, то должны будемъ признать, что есть многое, чѣмъ механизмъ этотъ овладѣть не въ состояніи. Сюда мы относимъ и чудеса. Ни обычное пониманіе и никакая религія никогда не трактовала чудесъ такъ, какъ представляютъ ихъ Гладстонъ и Цольнеръ. Не все то, чего мы не умѣемъ объяснить, есть чудо; но то, чего мы по своей природѣ не способны понять: то есть чудо.

Изъ такого опредѣленія чуда само собой слѣдуетъ, что чудеса существуютъ, и весь вопросъ состоитъ только въ томъ, въ какой мѣрѣ элементъ чудеснаго мы должны признать участвующимъ въ міровой исторіи. Изъ исторіи прошлаго и изъ наличной дѣйствительности мы знаемъ, что часто многіе принимали за чудеса то, въ чемъ не было ничего чудеснаго. Наша обязанность разсѣвать суевѣрія и ложныя вѣрованія и разъяснять мнимую чудесность естественныхъ явленій. Это и дѣлается и будетъ дѣлаться. По рядомъ съ разсвѣніемъ суевѣрій и заблужденій должно заботиться и объ утвержденіи вѣры—вѣры религіозной, которая есть прежде всего вѣра въ чудо и которая успокоиваетъ вмѣстѣ и разумъ и сердце. Для того, что бы понять міръ, мы должны мыслить его конечнымъ, но что бы мыслить его конечнымъ, мы должны признать его происхожденіе чудеснымъ. Точно также, что бы увидѣть смыслъ въ существованіи человѣка, мы должны признать его правственно-свободною личностію и для этого опять должны

предположить чудо. Такъ оказывается, что чудо можетъ способствовать, а не препятствовать пониманію наблюдаемыхъ фактовъ, и что, напротивъ, отрицаніе чуда ведетъ къ тому, что дѣйствительность является предъ нами лишеннымъ разумности хаосомъ. Отсюда мы выводимъ, что вѣра въ чудеса должна служить для насъ регулятивнымъ принципомъ въ міропониманіи и мірообъясненіи.

Вѣра въ чудо есть общечеловѣческая вѣра, она присуща даже и тѣмъ, кто рѣшительно отрекается отъ нея. Человѣкъ, отрицающій свободу воли, на самомъ дѣлѣ признаетъ свободнымъ себя и другихъ, т. е. на самомъ дѣлѣ признаетъ чудо. Но кромѣ вѣры человѣку еще присуща надежда на чудо. Созерцая со скорбію зло, разливающееся въ мірѣ, человѣкъ ожидаетъ спасенія свыше. Ощущая зло въ собственномъ сердцѣ и чувствуя себя не въ силахъ вырвать его изъ сердца, человѣкъ молить объ очищеніи и освященіи его сердца. Эта молитва, какъ и всякая молитва, есть молитва о чудѣ. Каждый день миллионы людей возносятся Богу въ молитвахъ многочисленныя прошенія, ими двигаетъ надежда на чудо. Но помимо этихъ миллионныхъ небольшая группа людей въ Европѣ и Америкѣ говоритъ, что чудеса—нелѣпость, что надѣяться на нихъ есть верхъ неразумія и легкомыслія, что наука показала невозможность чудесъ, и что подъ знаменемъ этой науки должно идти впередъ безъ религіи, безъ любви и безъ Бога. Ихъ путь безотраденъ. Благо надѣющимся!

Сергій Глаголевъ.
